

Евгений Михайлович Оберт, народный комиссар здравоохранения АССР НП

Давно я хотела написать о трагической судьбе этого человека, но сведения в архивных материалах Совета Народных Комиссаров АССР НП и Народного Комиссариата здравоохранения оканчивались назначением на его должность нового Народного комиссара – М.Я. Хвесина.

Уже в начале нового XX века мною были получены письма, воспоминания и фотографии одного из собирателей документов по истории немцев Поволжья А.А. Герра. Из этих материалов был создан фонд в Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе, в нём-то я и обнаружила материалы об Оберте Е.М.

Только тогда и решила, что настало время продолжить исследование, чтобы поволжский читатель узнал о непростой жизни ещё одного поволжского немца, убеждённого большевика, сумевшего перенести все жизненные невзгоды.

Не вызывало сомнения, что мой герой, поволжский немец. Действительно, его предки переселились в Россию из провинции Лангедок, что во Франции, в 1779 году. Жан Оберт с женой поселились в колонии Казицкая (Брабандер), недалеко от села Узморье. От него и пошло многочисленное потомство Обертов в России.

Евгений Оберт родился 22 мая по старому стилю, 4 июня (по новому), 1889 года уже в селе Яблоновка (Лауве) Степновской волости Новоузенского уезда Самарской губернии, где работал его отец. Михаил Осипович был грамотным, он в своё время учился в Саратовской католической семинарии, жил в интернате, который был для семинаристов бесплатным. Но когда пришло время посвящения учеников в священники, ушёл из семинарии. Долгих 40 лет (с 1881 по 1921 годы), он служил сначала сельским писарем в селе Яблоновка, а затем, уже в советское время, здесь же секретарем сельского Совета. Все его дети родились в этом селе.

Интересно, что в Казицком, откуда пошёл род Обертов в России, поселились выходцы из Франции и Германии. Здесь жили Шевалье, Мартель, Бартель и другие. И самое интересное. Все поселенцы были лютеранами по вероисповеданию, за исключением семьи Оберт, католиков. Отец Михаила Осиповича, Осип (Иосиф) Иванович Оберт, и вся их родня, Обертов, жили в этой колонии. Здесь же жил Матвей Матвеевич Оберт, который долгие годы был волостным старшиной. Возможно, поэтому в 1902 году он получил разрешение на производство плетёных корзин, которые устанавливали на телеги. Сначала ящики были плетёные, а затем их стали изготавливать из деревянных досок. Телеги они тоже изготавливали сами. Сначала с деревянными, а затем с железными осями. Оковывали их в сельских кузницах. В этой колонии и в соседних было много мелких кустарных предприятий, много ремесленников, которые, кроме плетения корзин и Wagenkorb на телеги, изготавливали веялки, телеги, столы, сундуки. Бондари изготавливали бочки, вёдра. В Яблоновке также было много ремесленников. Кузнецы, столяры изготавливали веялки.

Семья писаря колонии Яблоновка Оберта Михаила Осиповича, была многодетная, рождено было семеро детей. И отец мечтал дать образование детям, в первую очередь, сыновьям. Для этого он старшую дочь определил на учёбу в школу кройки и шитья в Саратове. После чего, нанял для детей квартиру, в которой стали жить три старшие сестры. Швеея принимала и выполняла заказы на пошив одежды от жителей города, две другие дочери вели хозяйство.

Брат Евгения Александр в 1898 году окончил в Яблоновке земскую школу, после чего отец отвёз его в Саратов и устроил на учёбу в первый класс прогимназии Давида Фёдоровича Гесса. Евгений, также по окончании земской школы, в 1902 году выдержал экзамен во второй класс, но уже 2-ой Саратовской гимназии. А Александр, по окончании 4-го класса у Гесса, поступил в пятый **класс той же гимназии.**

Родители умерли в один год – в 1926 году. В 1970-е годы, из 7 рождённых в семье детей, в живых оставалось лишь трое: Анастасия, 1879 года рождения (жила после выселения, в Казахской ССР на иждивении дочери-колхозницы), Александр, 1887 года рождения, доцент математики, вышедший на пенсию, проживал в городе Куйбышеве (Самара), о судьбе которого мы ещё расскажем, и герой моего очерка Евгений. Как видим и в дореволюционной России многодетная семья, где мать, естественно, не работала, была не большого достатка, скажем так, не богатой, дети получали высшее образование.

Евгений, после окончания 2-ой Саратовской гимназии, поступил в Казанский университет на медицинский факультет. Перед этим в 1907 году он переболел тифозной малярией, после чего, по его словам, навёрстывал учёбу с 1908 по 1913 год в университете. Летом в годы учёбы подрабатывал в земстве оспопрививателем и фельдшером, из-за чего даже не мог посетить родных в Яблоновке. Перспективный студент, он, получил красный диплом, диплом с отличием, 11 июня 1913 года. В этот годы вместе с ним 214 человек стали врачами. Естественно, его, отличника, оставляли на кафедре для дальнейшего занятия наукой, но врач выбрал лечебную практику в земских учреждениях России.

Молодой выпускник получил работу участкового врача в Осиновском амбулаторном врачебном участке Новоузенского земства. И это вполне естественно. Село Осиновка, немецкая колония Рейнгардт, была основана на левом берегу реки Большой Караман, в 15 верстах от волостного села Мариенталь (Тонкошуровка). До октября 1918 года оно входило в Карамановскую (Тонкошуровскую) волость Новоузенского уезда Самарской губернии, с образованием Трудовой Коммуны Области немцев Поволжья вошло в неё на правах Рейнгардтского сельского совета сначала Тонкошуровского, затем Красноярского кантонов АССР НП.

Он вспоминал: «Село Осиновка расположено на берегу речки Грязнухи. Дворов 112. В церкви служил пастор Мюллер, из остзейских аристократов. Двухклассное земское училище, два учителя, два фельдшера, сельский писарь».

Так появился в селе, в дополнение к названным, ещё один интеллигент, он сам. Врач с высшим образованием, правда «гол как сокол», у которого, по его словам, «всё имущество помещалось в чемодане».

Своим назначением Е.М. Оберт был доволен. Доктор обслуживал население шести сёл, это была замечательная практика. Но работой своего фельдшера был недоволен тем, что тот приучил пациентов «забывать» на столе «двугривенные». Оправдывало фельдшера только то, что у него была большая семья, которую невозможно было прокормить, обути и одеть на жалованье, которое ему платили за работу. Потеряв приработок в виде «чаевых», фельдшер уволился, а доктор ещё некоторое время отучал своих больных от этой mzды.

Отслужив полгода, врач получил приглашение возглавить Узморский медицинский участок, где предполагалось строительство больницы. Село манило его к себе и Волгой. Всё складывалось удачно. Молодой специалист приобретал опыт руководителя, да ещё, в какой-то степени, добытчика стройматериалов, и

даже строителя. Более всего заведующий участком переживал, что окончить начатое дело, достроить здание, ему не удалось.

С началом 1 Мировой войны, уже в августе 1914 года, Е.М. Оберт был мобилизован и направлен в город Сызрань, где его прикомандировали к военному лазарету в качестве младшего ординатора. Вместе с коллективом госпиталя он с нетерпением ожидал раненых с фронта. Каково же было их разочарование, когда первый же прибывший эшелон с фронта доставил им солдат «венериков». Только со временем медики узнали, что некоторые солдаты, дабы не воевать, занимались членовредительством, а кое-кто не брезговал даже заразиться сифилисом. К сожалению, такая проблема была, от этого факта никуда не деться. Не изменилась его работа и в Симбирском (Ульяновск) местном военном лазарете.

Врач вспоминал об этом периоде своей службы неохотно. Приходилось лечить, правда, и других больных: от воспаления среднего уха, грыжи, других заболеваний. И его такая работа совершенно не устраивала. Потому он постоянно подавал рапорты начальству с просьбой направить его в распоряжение Красного Креста, на фронт.

Ему повезло. Главный врач получил предписание направить одного медицинского работника именно в распоряжение Красного Креста. И Оберт получил долгожданное назначение. Он был направлен на Западный фронт и назначен младшим врачом Гродненского лазарета Красного Креста. Служил врач достойно, в ноябре 1916 года он был переведён в 87 Саратовский передовой отряд и назначен главным врачом Саратовского передвижного отряда Красного Креста. В момент февральской революции он занимал этот пост.

Читая воспоминания Е.М. Оберта о событиях февраля и октября 1917 года, мне показалось, что описывал их уже с точки зрения не беспартийного, как оно в то время и было, свидетеля, а уже убежденного большевика. Он пишет: «В момент февральской революции я был главным врачом Саратовского передвижного отряда Красного Креста. В конце февраля мы с женой поехали в Москву». Сразу отмечу, что женился Оберт на фронте в 1915 году на фельдшерице-акушерке Матрене Яковлевне Ткачёвой, которая была старше мужа на один год.

Но продолжим его воспоминания: «К нам в поезд, когда мы возвращались на фронт, пересел с Петроградского поезда отряд рабочих, который по дороге на каждой станции обезоруживал жандармерию, а в городах – полицейские управления. От них мы узнали, что в Петрограде – переворот, Николай отрёкся от престола, а власть в руках Государственной Думы. Когда мы подъехали ближе к фронту, офицеры разоружили отряд, чтобы известие о перевороте не проникло на фронт. Мы первые привезли на фронт это известие».

В начале мая 1917 года Е.М. Оберт снова был переведён в Гродно, где стал начальником, главным врачом, Гродненского подвижного лазарета Красного Креста. Принял он лазарет от врача Трушевского, служила здесь и врач Шейнина. Остальные кадры были те же, когда врач служил полгода назад, до того, как перешёл работать в 87-ой Саратовский передовой отряд.

Врач впоследствии вспоминал, что именно в это время, в течение лета и осени 1917 года, на станции Волки в одном из больших фанерных барачных лазаретов проходили дивизионные и корпусные собрания большевистского толка. В них он принимал участие, поняв, что только большевики будут бороться за права простого народа, потому в дальнейшем и принял Октябрьскую революцию.

И здесь мне хочется сделать небольшое отступление. В одном из писем А.А. Герру, он сделал ряд замечаний на опубликованную статью о нём, Оберте. В 1916 году они с женой были на фронте в районе станции Волки. Жена была

начальником санитарного поезда, который был оборудован силами Гродненского передвижного лазарета Красного Креста в марте 1916 года. В это время ставка императора Николая, как он пишет, Николая Кровавого, предприняла попытку прорвать фронт в районе Полтавы, в 10 верстах от станции Волки. Командование предложило им развернуть передовой перевязочный пункт. Но после начала боевых действий стало ясно, что сюда необходимо перебросить из Глубокого находившийся там лазарет. Две недели боя дали 11 тысяч раненых. Их оперировали, но так как санитарных поездов и пассажирских вагонов не было, пришлось раненых отправлять в теплушках и на платформах, а потом и своим санитарным поездом. Легко раненым оказывали первую помощь, а дальше они должны были позаботиться о себе сами, получалось по пословице, спасайся, как можешь. Первые дни наступления, писал Оберт, были для нас, медицинских работников, кошмаром, а на фронте – это был ад кромешный: Далее Е.М. Оберт так описал происходившее:

«6 артиллерийских корпусов стреляли беспрерывно. Немцев из окопов удалось выбить, наши солдаты заняли немецкие окопы, а артиллерия, непредупреждённая, продолжала стрелять уже по своим. Пока связь дошла до артиллерии, наши солдаты, не выдержав шквального огня своей же артиллерии, спешно покинули немецкие окопы. И так повторялось несколько раз. Естественно, что и солдаты, и офицеры «крыли» на чём свет стоит командование и Императора». Е.М. Оберт считал, что именно потому так легко рухнул трон Николая. Только в ответ на их требования, как пишет Оберт, на наши «вопли», Красный Крест прислал им в помощь 30 сестёр и двух врачей. Кроме того, военное ведомство прислало два дивизионных госпиталя, но они развернули свои палатки рядом с лазаретом «к шапочному разбору». Прошло свыше 55 лет, но чета Обертов не могла вспоминать об этих событиях спокойно, сердца их буквально обливались кровью.

Санитарный поезд Оберта проделал большую работу по эвакуации больных и раненых. Они оставались в Полоцке до февраля, до тех пор, когда немцы снова пошли в наступление и дошли до Полоцка, они уезжали в Нижний Новгород уже последним эшеленом.

И так, как я уже писала, после февральской революции, с лета 1917 года на станции Волки в лазарете, где служил Е.М. Оберт, собирались полковые, дивизионные и корпусные комитеты солдатских депутатов. При лазарете был питательный пункт, который обслуживал депутатов, а корпус отпускал, по договорённости, из корпусного стада столько скота, сколько необходимо было для питания всех работников и депутатов. Штаб III Армии, находился в Полоцке. Но в другом документе Оберт утверждал, что штаб находился на тот момент в Дуниловичах.

Е.М. Оберт, будучи беспартийным, с большим интересом ходил на эти собрания, следил за борьбой партий, за нарастанием революционного движения. Видел, как сначала «верховодили» эсеры, как они утратили своё влияние и как большевики завоёвывали солдатскую массу.

Осенью 1917 года Е.М. Оберт получил отпуск и поехал в Яблоновку. В Саратове пароход с отправлением задерживался. Так, как писал впоследствии врач, он стал свидетелем революционных событий в Саратове: «Настали сумерки. Слышим в городе выстрелы из винтовок, потом пулемётная стрельба. Они приближались к Волжскому району, было слышно, как пули барабанили по крышам. Потом услышали два артиллерийских выстрела. Поздней ночью стрельба прекратилась. Мы поняли, что в городе произошло восстание. Как только стало

светать, мы пошли в город и увидели как из ворот Думы вооружённый отряд рабочих и солдат выводили юнкеров, те шли с поднятыми руками».

На другой день по приезде домой он встретился в соседнем селе Шталь (Степное) с Эрихом (Эммануилом) Квиригом и стариком Рейхертом. Позднее, уже осенью 1918 года, он увиделся с Эрихом, когда тот работал в Облисполкоме Трудовой Коммуны Области немцев Поволжья, и Рейхертом, в то время агитировавшего за советскую власть в немецких сёлах. Но была ещё одна судьбоносная для Одессы его встреча с Квиригом в Москве в 1936 году, когда тот работал в Госплане и был торгпредом в Англии. Е.М. Оберт его разыскал, чтобы получить поддержку в выделении одного миллиона рублей на строительство 2-й ветки водопровода в городе. Дело в том, что город, Одесса, снабжался водой из Днестра одной веткой, которой было недостаточно. Недостаток воды вызывал антисанитарию и, как следствие, различного рода инфекционные заболевания. Квириг помог. Но вскоре и он стал очередной жертвой сталинизма.

30 октября 1917 года Е.М. Оберт возвратился в Полоцк.

В их Управлении Красного Креста Ш Армии в октябре большевики взяли власть почти бескровно, так как всё начальство разбежалось. Остался только один человек, большевик, делопроизводитель Удюков. Ему и беспартийному Е.М. Оберту поручили созвать съезд работников Красного Креста как можно скорее. Покончив с оргработой по созыву съезда, Оберт поехал в Менченяты, в свой лазарет. Его заместитель, Трушевский, был панически настроен, встретил его вооружённый револьвером и гранатой. Главврач отобрал у него оружие, а затем и демобилизовал врача. В одном из писем к А. Герру он уточнял, что поведение его заместителя, неприятие большевиков объяснялось тем, что он происходил из семьи торговцев. Передав управление лазаретом врачу Шейниной, Е.М. Оберт возвратился в Полоцк.

На Армейском съезде работников Красного Креста, состоявшемся 1 декабря по новому стилю, был избран Ревком из 7 лиц, а Е.М. Оберт был избран председателем Революционного комитета Красного Креста Ш Армии, переименованного затем в Армсовдеп Крестармии Ш. Комиссаром стал врач, большевик, Финкельштейн. Но вскоре его кооптировали во фронтовой Ревком, и тогда комиссаром был назначен Удюков.

В конце 1917 года на фронте было ещё затишье. Боёв не было уже давно, лазареты пустовали, были расформированы передовые отряды и подвижные лазареты. Но положение было тревожное. Этапные лазареты, стоявшие на железнодорожных путях, имели большую возможность вовремя эвакуироваться. Ожидалось наступление немцев. Но было понятно, что оголённый фронт не сможет оказать сопротивления. И постепенно начал откатываться вглубь страны. Штаб Ш Армии получил приказ эвакуироваться в Нижний Новгород. Постепенно все их части покинули Полоцк. Железнодорожники станции Полоцк, получившие остатки продовольственного склада, в самый последний момент подали им паровоз. И они с Восточного вокзала тоже покинули Полоцк, когда немцы уже занимали Западный.

Основной задачей Ревкома, переименованного в Исполком Армейского Совета депутатов Красного Креста на тот период, было снять с фронта и отправить в глубокий тыл персонал и имущество. Последним эшелоном из Полоцка ушел санитарный поезд Гродненского подвижного лазарета, руководимого его женой. В это время в поезде с ней был и их десятимесячный сын Антон. В поезд было погружено имущество самого Армсовдепа, 4-х лазаретов, медикаменты, хирургические инструменты, перевязочный материал.

Поезд совершал рейсы от Свенцяи до Витебска, Смоленска. Основное вывезенное имущество поступило на Московский склад в Лефортово. Насколько это было разумно на тот период, судить историкам.

Армсовдеп, как и штаб III Армии официально были расформированы в Нижнем Новгороде ещё в конце 1917 года. Е.М. Оберт с женой решили работать в Самаре, где ранее уже служила его жена. Когда был окончен отчёт о работе Армсовдепа Красного Креста III Армии и его с остатками оборудования необходимо было сдать в Москву, Е.М. Оберт отвёз жену, сына и няню в Самару, а сам отправился в Горький, а далее в Москву, где их демобилизовали. Отчёт он сдал 25 мая 1918 года. После чего ему было предложено Коллегией Центрального Комитета Красного Креста остаться на работе в качестве комиссара ПРИВО, на что врач не согласился, считая, что комиссаром должен быть член партии. И он принял должность заведующего медицинской частью, фактически заместителя комиссара.

В Управление комиссара Приволжского военного округа он прибыл только в самом начале июня 1918 года. Причину этого опоздания он так описал в своих письмах-воспоминаниях к А.А. Герру: «Получив назначение в Саратов, я поехал на поезде в Самару за семьёй. Перед нами двигался состав Чехословацкого корпуса. Официально, он двигался через Сибирь на родину. Но корпус был вооружён, оружие не сдавал, а у нас не было возможности их разоружить. Так добрались до сызранского моста».

Корпус не пропустили, потому и поезд в котором ехал Оберт остановился. Только через сутки ему удалось сесть на пароход до Самары. Но уехать с семьёй в Саратов не получилось. Чехословацкий корпус открыл боевые действия и захватил мост, а затем на третий день и Самару. Не успевшие выбраться из Самары большевики были растерзаны контрреволюционерами.

В это время на пристани у сызранского моста скопилось великое множество народа, которого кормить было нечем. Чехословаки испугались эпидемии тифа, и решили пустить вниз по реке два парохода, чтобы разгрузить пристань от людей. С помощью команды Е.М. Оберту удалось уплыть одному, без семьи, в Саратов.

Так, как он считал, благополучно прибыл в Саратов. Управление начало свою работу на базе имущества Красного Креста Румынского фронта, которое удалось эвакуировать в Саратов. На Управление также было возложено руководство всеми больницами и общинами Красного Креста в районе Приволжского военного округа. В это время в регионе среди военнопленных свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Кроме ликвидации эпидемии, приходилось совместно с ПЛЕНБЕЖем проводить работу по репатриации пленных австрийцев и немцев и обмену их на наших военнопленных. К сожалению, удалось обменять лишь один эшелон с пленными. Выступление Польши закрыло для них западную границу.

В распоряжении Управления на 1 января 1919 года было 16 госпиталей и лазаретов на 3025 коек, из них 5 – в Саратове, в Царицине – 3 (по другим данным, в Саратове и Царицине – по 2), Покровске – 2, Балакове – 2, и по одному в Астрахани, Самаре и Симбирске. Кроме этого, 2 эпидемических отряда и 2 питательных поезда, 3 – химбаклаборатории. При Управлении были созданы также курсы по подготовке не просто сестер, а сестёр-коммунистов. И, как вспоминал Оберт, ими было подготовлено 100 медсестёр. В распоряжении Управления было также 10 грузовых и 8 легковых автомашин. В бывших помещичьих усадьбах, национализированных у владельцев, было открыто 6 санаториев (Шиханы, Пады, Беково, Турки, Трескино). Все они были переданы Саратовскому губернскому отделу здравоохранения.

Поскольку многие солдаты, возвращающиеся с фронта, были истощены, решено было открыть для них кумысолечебницу. С этой целью Е. Оберта направили в командировку в Новоузенск для аренды кумысолечебницы Григорьева. Это было его первое задание на новом месте работы. Но когда он доехал до Красного Кута, путь дальше оказался разрушен белоказаками. После освобождения пути, он прибыл в Новоузенск, остановился в доме у сестры Анастасии, муж которой работал страховым агентом. Ему удалось быстро заключить договор и даже зарегистрировать его в земельном отделе городского совета, но ночью город был взят белоказаками во главе с полковником Мироновым. Как и в Самаре, большевики были уничтожены, среди них Губернаторов, Жидков. О смерти Жидкова он рассказал по свидетельствам очевидцев. Тот, защищаясь до последнего патрона, бросил бомбу, которая не взорвалась, и он был зарублен шашками.

Положение Оберта было незавидным. Он вспоминал, как приходил в штаб к ротмистру, просил дать ему пропуск в Саратов, так как он является работником Международной организации Красного Креста. Получив отказ, решил пробираться в Куриловку, где работал ранее в земстве его друг Микоша. Но там уже работал другой врач, Кутин. Пришлось ему открыть свой план, но выехать из Куриловки без разрешения Штаба было невозможно. В штабе напал на самого полковника Миронова, который не принял объяснений, что там, в Саратове, его ждут больные тифом. Более того, рассвирепев, он стал кричать на доктора: «Бросьте дурака валять. Немедленно поезжайте в Новоузенск к доктору Николаеву и работайте там. Не пробуйте удрать в Саратов, поймаем – расстреляем». Так Оберт снова оказался в Новоузенске, прибыл в сумерки, пробрался к сестре, затаился, а через два дня город был освобождён. Только 11 июля он возвратился в Саратов.

А в это время тревожно было и в Царицине (Сталинграде, Волгограде). Там, в Управлении, было два госпиталя полных сыпнотифозными военнопленными. Их необходимо было срочно переправить в Саратов, а госпитали после соответствующей обработки передать военному командованию для обслуживания частей Красной Армии. И Оберт снова оказался в командировке. Задание было выполнено.

Тем временем чехословацкий корпус двигался победно вниз по Волге. Ими уже был занят город Вольск. В Саратов и Покровск прибыл Лев Троцкий для организации отпора чехам. Красный Крест ПРИВО получил от него приказ оборудовать немедленно, на следующий же день, санитарный пароход для сопровождения частей Красной Армии. За невыполнение приказа – расстрел. Выполнять этот приказ пришлось Е. Оберту, так как в это время он замещал комиссара. Он писал, что выполнить это распоряжение удалось только благодаря тому, что в их распоряжение прибыл из Москвы отряд пролетарского Красного Креста с имуществом, который и перебросили на пароход. Пароход сопровождал Красную Армию до Самары, а затем возвратился в Саратов. На нём в Саратов прибыла к Е.М. Оберту и жена с сыном. Здесь, в Саратове, ему была выделена двухкомнатная квартира. 22 января 1919 года он отвёз жену в роддом, что находился на Армянской улице, а 24-го она родила дочь Ирину. Семья увеличилась, а с ней возросли и заботы.

Сыпной тиф среди военнопленных продолжал свирепствовать. В госпитале, развёрнутом в военном городке, пришлось увеличить количество коек до тысячи. Катастрофически не хватало медперсонала, не было достаточного количества белья, а дезокамеры работали плохо. Из-за этого заражались даже медицинские сёстры. Только в феврале тиф отступил.

С началом весны снова начались выступления против Советской власти, которые стали поддерживаться Антантой. Напряжённая работа без отдыха и отпусков дала себя знать, доведя Е.М. Оберта до истощения. Первого августа, оставив госпиталь на врача Гусынина, который впоследствии стал профессором хирургии Казанского университета, он получил отпуск и уехал с семьёй к отцу в Яблоновку. Отец впервые познакомился с женой сына и увидел двух своих внуков. С ними поехала и няня детей, беженка из Польши, которая приехала с ними с фронта. Но уже через 10 дней его отпуск был прерван. Деникин от Царицына двинулся на Саратов.

В том же августе 1919 года Управление комиссара Красного Креста было эвакуировано вместе с госпиталями в Самару, где получило новое наименование – Полномочный представитель Красного Креста при Армиях Восточного фронта. Перед эвакуацией, Саратовскому губздравотделу ими был передан ещё один госпиталь на 1000 мест, который был размещён в военном городке. Об эвакуации в Самару Оберт узнал по приезду из Яблоновки в Покровск. Два госпиталя, которые находились в этом городе, необходимо было тоже срочно эвакуировать, к этой работе врач и подключился. Погрузив всё имущество на пароход, со всем персоналом они дошли по Волге вверх до Балакова, где решили ждать дальнейших распоряжений от командования. Но Е.М. Оберта комиссар немедленно вызвал в Самару. За это время Деникин был остановлен, и госпиталям из Балаково было разрешено возвратиться в Покровск.

В сентябре 1919 года Е.М. Оберт увидев, что Гусынин вполне без него справляется с должностью заведующего медицинской частью Управления Красного Креста, он попросил комиссара отпустить его на лечебную работу, как он писал, на эпидемический фронт. Просьба была удовлетворена. Он был назначен старшим ординатором 1-го эпидгоспиталя Красного Креста в Самаре. В течение 2-х дней госпиталь был заполнен тифозными больными, побывавшими в плену у Колчака. При поступлении все 100 человек представляли собой ужасную картину: завшивленные, вместо волос – колтуны на голове, которые ничем нельзя было снять, как только кончиками ножниц. Когда работа по приему больных была закончена, Е.М. Оберта решено было отпустить в отпуск за семьёй.

По дороге за семьёй в Яблоновку врач заболел возвратным тифом и был помещён в госпиталь № 5 в городе Покровске. За время его болезни Красный Крест был передан Военному ведомству. Переболев тифом в течение 15 дней, во время которых его успешно лечили салварсаном, получил в ноябре отпуск, и поехал к семье в Яблоновку. Вскоре о его приезде стало известно в Ровненском уездном исполкоме Трудовой Коммуны Области немцев Поволжья, который возглавляла друг его детства Ирма Фукс, родная сестра Андрея. Они были не просто друзья детства. Их мать была крёстной Евгения Оберта. По настоянию Ирмы, он и принял, после согласования с Военным ведомством, должность заведующего уездной больницей. В это время он более всего думал о семье, так как ехать в зимнее время в Самару с двумя малышами в переполненных вагонах по железной дороге, значило идти на риск потерять детей и жену от тифа, который продолжал свирепствовать. И он согласился принять уездную больницу. Так, в декабре месяце в лютый мороз на санях он перевёз семью в Ровное. Жена стала работать фельдшерницей в больнице.

Здесь Евгений Михайлович проработал всего три месяца. В село приехал начальник военно-санитарного поезда Трудовой Коммуны Области немцев Поволжья и предложил ему явиться в военно-санитарный поезд в город Саратов, где врач, военнообязанный, военнотрудовой получил новое назначение. Е.М. Оберт стал заведующим изоляционно-пропускным пунктом Покровского

уездного военкомата. Так снова он оказался на острие борьбы с тифом, вспышкой холеры. Военврач обслуживал проходящие воинские части, участвовал в работе выездных призывных комиссий, выполнял функции гарнизонного врача. Но для нас главное, такой специалист высокого класса именно с этого назначения связал свою жизнь в 1919 году с городом Покровском.

С этого момента продолжилась его более тесная дружба с Николаем Даниловичем Персидским, военкомом, с кем он в дальнейшем работал и в первом правительстве Области, а затем и Республики немцев Поволжья. И она не прекращалась до самой смерти Николая Даниловича в 1929 году. А первое знакомство их состоялось ещё до революции, в селе Бангерт (Зауморье), где учительствовал его, Оберта, одноклассник Персидский. Он не только участвовал в самодеятельности, но и ставил чеховские пьесы, в которых сам и играл. Вот такие они были первые большевики.

До этого Евгений Михайлович никогда не имел своего дома. Отец его, работая в Яблоновке сельским писарем, как уже было сказано, с 1881 года, жил в предоставленном ему общественном доме. Сын понимал, что когда-то отец должен будет оставить работу и тогда он лишится жилья. Поэтому всю войну ежемесячно часть своего заработка он посылал отцу с целью скопить средства на покупку собственного дома. В селе Ровном семья жила тоже в съёмном жилье.

И вот, когда в 1920 году сын уже работал в Покровске, отец предложил ему купить дом в городе у его знакомого бывшего приказчика Мальцева. Так уже и вся семья Оберта обосновалась на постоянное место жительства в городе Покровск, ставшего в 1922 году столицей Области, а с 1924 года и Республики немцев Поволжья. Свою семью из Ровного он перевёз в Покровск в мае 1920 года.

С 1919 по 1921 год в задачу Е.М. Оберта по службе от Покровского военкомата входило, как уже было сказано, обслуживание проходящих воинских эшелонов и самого Покровского гарнизона. Эта работа дала ему возможность хорошо изучить уезд, что затем пригодилось в период службы Народным комиссаром здравоохранения Республики.

В 1921 году случилось хорошо известное историкам и краоведам выступление против советской власти бывшего районного комиссара по продовольствию Пятакова против Советской власти в Поволжье. Зародившись в Камышинском уезде у села Черebaево, повстанцы перебрались на левый берег Волги. И тут как не вспомнить, что значит гражданская война. Естественно, его выступление большевики называли бандитским, бандитом, в своих воспоминаниях называет его и коммунист Оберт. Повстанцы заняли селение Ровное, дошли до села Квасниковка. До Покровска оставалось всего 25 вёрст. Особо они зверствовали в селе Ровное. Бело убито и спущено под лёд более 100 большевиков и комсомольцев, уничтожена была почти вся партийная организация. Из Покровска навстречу восставшим были брошен отряд Частей Особого Назначения под руководством Лутцева. Они и решили исход боя.

А.А. Герр посвятил после войны свою жизнь сбору материалов об этом периоде. Долгие годы, обращаясь в архив, где я работала директором, он обвинял нас в том, что мы не выдаём ему списки погибших от рук пятаковцев, утверждая, что эти сведения скрываются нами только потому, что имеют отношение к немцам Поволжья. Позднее он получил эти сведения из Центра документации новейшей истории Саратовской области, бывшего партийного архива.

Оберт вспоминал, что часть оставшихся в Покровске членов партии и ответственных работников, среди которых был и он, ночью дежурили в Штабе ЧОН, чтобы в случае прорыва пятаковцев, срочно уйти в Саратов. Кстати сказать,

об этом я не находила сведений ни в одном из документов, хранящихся в наших архивах.

В этот 1921 год, год жесточайшего голода в Поволжье, в семье Оберта родилась 5 мая дочь Елена, ставшая, как и отец, врачом.

Прошло лето, в августе был расформирован изопропускной пункт, в котором служил врач, а его в какой раз снова свалил сыпной тиф. После выздоровления, он получил двухнедельный отпуск и новое назначение – младшим врачом во вновь образованный 241 крестьянский стрелковый полк. Поскольку полк дислоцировался в Красном Куте, для оформления отпуска он отправился туда. В полку пришлось проработать до декабря, только тогда он получил свои две недели отпуска. В августе он снова переболел тифом. Жесткое и жестокое было время. Никто не давал времени на восстановление после тяжёлой болезни. Сразу же после выхода из лазарета врач был прикомандирован к батальону 243 стрелкового полка, с которым он участвовал в уничтожении восстания крестьян против советской власти под руководством Серова в уральских степях в районе Саламихино (Фурманово). А далее, в декабре 1921 года стал нести службу в должности врача того же 243 полка.

Тем временем в Покровске, уезде и в Саратовской губернии продолжал свирепствовать голод, унесший большую часть населения. Евгений Михайлович страшно переживал за родных. Свой армейский паёк, с места службы в Новоузенске, он им переправить не мог.

Дождался двухнедельного отпуска в конце декабря 1921 года. То, что он увидел дома, в Покровске, его потрясло. Взяв вещи, он уехал в Тамалу, где жил его знакомый по службе Ефимов, бывший санитар «изопропункта» (изоляционного пропускного пункта). Ефимов помог ему обменять вещи на 12 пудов продуктов, в основном муки. Два пуда он решил взять с собой, 10 пудов остального продовольствия сдал в багаж. А дальше случилось такое, что, не приведи Бог, пережить никому в жизни. Началась посадка в вагон, в теплушку. Давка невозможная, вдруг Е.М. Оберт получил такой удар в лицо, что свалился назад на перрон.

Ефимов посадил друга только в теплушку следующего состава. С этим багажом в два пуда он и приехал к родным, но и это было хоть какое-то подспорье.

В марте 1922 года врач принял Лазарет 81 Бригады, но в июне того же года был назначен главным врачом Дивизионного госпиталя 32 Дивизии.

Военную службу оставил врач только 10 ноября 1922 года. После демобилизации устроился на работу статистом Областного отдела здравоохранения Области немцев Поволжья. В Области было много друзей из немцев, которые знали его как земского доктора. В Покровске уже жили и работали Андрей и Ирма Фукс. С двумя бывшими военками, Н. Персидским и А. Козловым, он уже работал ранее, в 1919 году, когда приехал в Покровск.

Именно по рекомендации этих друзей и товарищей по службе, Вильгельм Адольфович Курц, председатель Областного исполнительного комитета Области немцев Поволжья предложил ему возглавить Областной отдел здравоохранения.

Принял Е.М. Оберт эту должность в очень сложное время. Послереволюционные потрясения и свирепый голод обострили и до того бытовавшие в России тяжёлые заболевания среди населения. Тиф, малярия, туберкулёз и трахома, после голода, стали основными, приводившими к новым и новым смертям.

Даже Покровск не имел достаточного количества лечебных учреждений, соответствующего оборудования, не было лекарств, катастрофически не хватало врачей. Положение с медицинским обеспечением в других поселениях созданной Области немцев Поволжья вообще не отвечало никаким требованиям. Исключение в этом плане составляла, пожалуй, лишь Голокарамышская (Бальцерская) больница.

В Покровске городская больница № 1 имела в своём распоряжении всего 94 койки, № 2 – 70 коек с родильным приютом на 27 рожениц и детская больница «Капля молока» на 30 коек. Это уже в голодном 1921 году была открыта больница № 3 в трёх муниципализированных после революции зданиях. Сам областной отдел здравоохранения получил такое же здание в доме № 51 по улице Кобзарёвой (Коммунистической), бывшего хозяина Ф.Е. Думлера.

Свою работу в такой высокой должности Е.М. Оберт начал с подготовки решения Правительства Области о передаче «Ухинского сада», национализированного ещё в 1918 году советской властью у наследников Н.А. Ухина, отделу здравоохранения под детский туберкулёзный санаторий. Сад располагался на речке Саратовка, в 12 километрах от Покровска, в сосновом бору, потому он как раз и подходил для данного лечебного учреждения. Не забудем, что туберкулёз не пощадил и Николая, сына Н.А. Ухина

Для открытия санатория необходимы были строительные материалы, в первую очередь, цемент. Бочонки с цементом, как вспоминал впоследствии бывший народный комиссар, добыли с затонувшей в Волге баржи. В 1923 году санаторий принял первых пациентов. Именно тогда Оберт и принял на работу «опального» врача Виктора Ивановича Куховаренко, сына первого Головы города Покровска И.В. Куховаренко, давал, пусть и на временных должностях, возможность не умереть с голода не только ему, но и семье, оставшейся без кормильца. И именно Оберт, будучи уже народным комиссаром здравоохранения АССРНП, дал в 1926 году ему прекрасную характеристику, а позднее направил талантливого врача на стажировку в госпитальную хирургическую клинику Саратовского университета, что позволило ему пройти ординатуру при университете и уйти в другой регион от репрессий. Так что в сердечности и милосердии невозможно отказать даже этому убеждённому большевику, в том, как он не только выражал своё сочувствие пострадавшим от власти, но помогал по мере своих возможностей.

И как уже было сказано ранее, с 1 января 1924 года в 1-м Правительстве Республики немцев Поволжья Е.М. Оберт стал Народным комиссаром здравоохранения АССР НП. Его мы можем увидеть на фотографии, которая так и называется: «1-е Правительство Автономной Социалистической Республики немцев Поволжья». Она хранится в Государственном историческом архиве немцев Поволжья в городе Энгельсе и опубликована неоднократно в изданиях, посвященных истории Республики.

Годы работы Е.М. Оберта на посту народного комиссара здравоохранения в Области и Республике немцев Поволжья стали для развития медицины судьбоносными. Проблем было не перечислить. В 1926 году на одного врача в городе ложилась колоссальная нагрузка – 1429 жителей, а на одну больничную койку – 162 человека. Надо было менять ситуацию. Открыт, как было уже сказано, детский санаторий. Разработан проект двухэтажной поликлиники на 40 кабинетов с грязелечебницей в подвальном помещении. Совнарком утвердил и смету на строительство. Но оно задерживалось из-за отсутствия кирпича, Кирпичный завод должен был войти в строй в 1930 году. Е.М. Оберт писал, что для осуществления этого проекта, он выезжал на Ижорский завод за трубами,

секциями радиаторов, фитингами и котлом. В селе Визенмиллер (Луговское), в ста километрах от Покровска, он увидел локомотив, который удалось переправить в Энгельс на верблюдах.

В 1932 году было закончено строительство городской поликлиники на улице Маяковского, на должность её главного врача из Маркштадта был назначен А.А. Фукс, которого сменил в 1933 году высококлассный специалист из того же города А.Э. Шпомер. С 1924 года продолжалось в столице строительство больничного городка в нагорном районе.

В 1930 году Е.М. Оберт, в числе 20-ти руководителей народных комиссаров автономных Республик по приказу Народного Комиссара здравоохранения РСФСР М.Ф. Владимирского, был направлен на Всемирную гигиеническую выставку в Гаагу, где пробыл три недели.

В том же, 1930, году партийная организация Немреспублики проводила чистку своих рядов. По итогам проверки работы Народного комиссариата здравоохранения АССР НП, ему, члену партии с 1929 года, был вынесен выговор Президиумом ОКК ВКП(б) и Коллегией Наркомата РКИ (Рабоче-крестьянской Инспекции). При этом, сохранился документ, в котором Е.М. Оберт значился как временно исполняющий обязанности народного комиссара здравоохранения, но 4 июня 1932 года – он снова уже – Народный комиссар здравоохранения, который возглавил ещё как председатель и Детскую комиссию при Центральном Исполнительном Комитете АССР НП. Кроме того, он проводил большую работу по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью в Республике. С 1923 по 1930 год Е.М. Оберт избирался Председателем Центрального Комитета Красного Креста, с 1923 – и членом его Ревизионной комиссии.

Понятно, что как кандидат в члены партии с 1926 года, он участвовал, к сожалению, и в работе по раскулачиванию и выселению, так называемых, кулаков, выполняя линию и волю своей партии. Участвовал и в организации колхозов и МТС. Его неоднократно направляли в командировку в кантоны Республики на организацию посевных и уборочных сельскохозяйственных компаний. Единственно, о чём он всегда сожалел, что не стал членом партии в Ленинский призыв, так как в то время, да и в последующие годы, предпочтение отдавалось рабочему классу.

В 1934 году он ещё успел пригласить на работу во вторую городскую больницу из Бальцера, бывшего Голого Карамыша, Л.Н. Полянского для организации отоларингологического отделения, замечательного хирурга А.Ф. Гергенредера на заведование хирургическим отделением. Об этих врачах и о судьбе главного врача 2-ой городской больницы А.П. Зибенгара мною написаны и опубликованы отдельные очерки.

В судьбе А.П. Зибенгара нарком здравоохранения сыграл не последнюю роль. Именно он защитил талантливого врача от произвола местных чиновников. Руководители Бальцерского исполнительного комитета не просто не ценили специалиста, но в 1926 году решили освободить его от должности главного врача городской больницы. Е.М. Оберт обратился в Совнарком, на фракции ВКП(б) был обсуждён данный вопрос. Чиновникам было указано на недопустимость неуважительного отношения к такому специалисту. Инцидент был исчерпан.

В том же успешном для здравоохранения Республики 1934 году он почувствовал негативное к себе отношение. В то время он связывал это не с общими репрессиями в стране и в Республике, а именно с его поездкой за границу в 1930 году, что, безусловно, тоже имело под собой почву.

С первого января 1935 года на его место Народного комиссара здравоохранения АССР НП назначили М. Хвесина.

Вот как сам Евгений Михайлович рассказал о том, как это произошло: «В январе 1935 года состоялся Съезд Советов, на котором было составлено Правительство без меня. Наркомздравом был назначен т. Хвесин. И это несмотря на то, что Республика одна из первых в Союзе излечила малярию, и тиф, и у нас стала одна из лучших сеть медицинских учреждений.

Сдав дела, я начал работать в Госплане заведующим соцкультсектором. При первом же приезде в Москву, в Наркомздраве мне предложили должность в ВГСИ (Всесоюзная государственная санитарная инспекция). Ему были подчинены все Госсанинспекции Союзных республик, где парторгом была Т.С. Вишневская, с которой его связывала давняя дружба и работа в Области немцев Поволжья. Мне предложили работу в Москве или в Одессе. Я запросил мнение семьи и взял назначение в Одессу Уполномоченным по городу Одесса и Одесской области. Назначение было согласовано с ЦК партии».

Он считал, что теперь в его жизни, в работе должно «сложиться всё как нельзя лучше». И вдруг, ему по новому месту работы приходит телеграмма из Энгельса об аресте как врага народа его родного брата Александра, доцента Немецкого Государственного сельскохозяйственного института и ещё нескольких сотрудников.

Более того, уже после ареста брата, пострадали из-за него ещё несколько сотрудников. Так, стало известно, что Р.Ф. Зелиху, предъявили обвинение в связи с Питером Зиннером и Александром Михайловичем Обертом.

Е.М. Оберта в феврале 1937 года исключили из партии «за тесную связь с братом, врагом народа». Заметьте, за тесную связь с кем, с родным братом. Он начал бороться, подал апелляцию в Москву, дело выиграл, но по приезде в город Энгельс ему отобранный в первый приезд партийный билет не возвратили. И этот кошмар повторялся неоднократно.

В феврале 1936 года его снова вызвали в Республиканскую партийную организацию в город Энгельс и вынесли окончательный вердикт об исключении из партии «за связь с братом – фашистом», именно так.

Он вспоминал: «Меня поразила жуткая обстановка в феврале 1936 года в городе. Все мои товарищи, члены Совнаркома, с кем я работал до 1935 года, кроме Николко Марфы, арестованы, репрессированы. А некоторые оставшиеся знакомые боялись даже подать мне руки».

Разбитый, морально раздавленный, он уехал в Москву, где получил телеграмму, что его персональное дело будет разбирать выездная партийная Комиссия 9 ноября 1936 года. Что же услышал человек, член большевистской партии, что отныне он не только безработный, но и беспартийный, а это уже в стране Советов являлось клеймом на всю оставшуюся жизнь. И его психика не выдержала таких испытаний, система, пусть и на время, сломала его.

Нервное расстройство усилилось беспокойством за свою семью, оставшуюся без средств существования на чёрный день, который вот уже и наступил. И у него, врача, появилась мания преследования, что он, безусловно, уже не вполне осознавал.

Об этом страшном периоде в своей жизни он написал в своих воспоминаниях, опираясь больше на рассказы, настоящих друзей, близких людей, врачей и жены, которые, в конечном итоге, сумели вывести его из этого тяжелейшего состояния.

Первая, кто заметил, что с ним происходит что-то неладное, была жена брата Александра, когда провожала его на переправе из Энгельса в Саратов. В поезде, лёжа на верхней полке в вагоне до Москвы, ему всё чудились голоса о его

задержании. В Москве, выйдя на перрон, он решил повидать дочь Ирину, студентку 1-го курса исторического факультета Московского государственного университета. Но вдруг в трамвае ему вновь померещилась слежка, боясь не только за себя, но и за дочь, он срочно возвратился на вокзал, закомпостировал билет и поехал дальше.

Даже мне сейчас страшно описывать происходившие с ним события. Как в Киеве он добивался встречи с прокурором, как где-то на улице неоднократно оставлял свой чемодан и случайно находил его, как попал в Транспортную полицию и бежал оттуда, «заметая следы». Убегая, попал в какие-то садовые дачные участки, прятался под каким-то крыльцом, дошёл до станции, где забрался в товарняк, но снова услышав «голоса», выскочил по ходу поезда и ушёл в лес. Ему повезло, семья лесника обогрела, накормила беглеца и уложила спать. Он уснул, проснулся ночью часа в два оттого, что увидел вдали вооружённых людей. Как только не успокаивала его жена лесника, что это охотники, убедить его воспалённое воображение уже никто не мог. Перед уходом он захотел отблагодарить хозяев, оставив на столе 50 рублей.

С опаской побрёл по селу, около каждого сарая ему мерещились голоса истязаемых кем-то людей. Так он прошёл все село, а на окраине случайно попал в дом именно врача. Безусловно, врач сразу же понял, с кем имеет дело. Он выслушал больного, накормил ужином, дал успокоительные капли, уложил спать в амбулатории. Но помутнённое сознание вернулось вновь. Он даже сам впоследствии вспоминал, что кричал в форточку: «Караул!». На какое-то время врач, которого своим криком он поднял с постели, сумел объяснить ему, что его напугали крысы.

С рассветом больной снова искал спасения в бегстве. Дошёл до железнодорожной станции, захотел пить, вошёл в лавку, но побоялся быть отравленным. Долго слонялся по посёлку, пока не набрёл на железнодорожную больницу.

И здесь врач тоже сразу же понял, с каким пациентом имеет дело. После обеда, он решил отвезти его в Киев. Боясь быть отравленным, больной обедать не стал. Когда же увидел во дворе санитаров, несмотря на уговоры, убежал. И где был дальше, его воспалённый мозг не помнил.

С трудом вспоминал, как пошёл на вокзал, купил билет до Киева, в поезде «понял окончательно, что за ним следят». Оставил свой чемодан в вагоне, нашёл главного по эшелону, объяснил, что его «преследуют», потому он и едет в Киевскую прокуратуру искать защиты. Утром с Киевского вокзала, где провёл ночь, пошёл искать прокуратуру.

Попал в Украинский отдел спецслужбы Наркомата путей сообщения СССР. И надо же такому случиться, начальником отдела оказался его товарищ, сокурсник по Казанскому университету Славин. Понятно, что врач сразу понял, что творится с его другом. Без объяснений, он отвёл больного к себе домой, на свою квартиру, дал лекарство, а затем запер его на ключ, чтобы Е.М. Оберт не мог сбежать. Придя на работу, он тут же дал телеграмму его жене в Одессу с просьбой приехать незамедлительно.

Целую неделю Славин лечил пациента у себя, а затем отправил их с женой в Одессу. В Одессе Е.М. Оберт был помещён в психоневрологический институт. Но полностью излечиться ему удалось только через два года. И всё-таки это была победа. Он уже мог работать.

Когда был расформирован Институт Уполномоченных, Евгений Михайлович поступил на работу санитарным врачом Одесского мясокомбината, но через месяц был уволен без объяснения причин. Возможно, были замечены странности

в поведении врача, возможно, тянулся след, связанный с его исключением из партии.

С декабря 1937 по 1 декабря 1938 года, когда Е.М. Оберт уже оправился от своей болезни, он был назначен областным пищевым санитарным инспектором, а затем перешёл на работу в санитарную службу в качестве старшего врача по обслуживанию Наркомата пищевой промышленности СССР трёх областей – Одесской, Кировоградской и Николаевской. На этом посту он и встретил нападение фашистов на нашу страну, но это было новое тяжелейшее испытание не только для моего героя.

Уже через месяц после быстрого продвижения врага вглубь нашей страны, встал вопрос об эвакуации с Украины. Поскольку дочь Елена училась в Одесском медицинском институте, который должен был эвакуироваться в Ростов, семья решила сначала отправиться с ней. Бросив всё своё имущество, с рюкзаками за спиной, пешком они дошли до Николаева, а затем железной дорогой до Херсона, далее по Днепру до Запорожья. Е.М. Оберт, отправив свою семью на поезде по железной дороге до Ростова, поехал в Харьков. Здесь он зашёл в Украинский отдел санитарной службы Республики, где и получил место для службы. Но из Москвы пришло распоряжение о новом его назначении на работу в город Саратов. В Саратов он прибыл в злополучный для немецкого населения день – 28 августа 1941 года. Жена с сыном приехали из Ростова к нему в день опубликования этого страшного Указа Верховного Совета СССР «О переселении немцев из районов Поволжья». Именно в день их приезда 30 августа он был опубликован в Энгельсской газете «Большевик», органе Республики немцев Поволжья, зловещий Указ от 28 августа.

Теперь они не бежали от фашистского вторжения, став изгоями в собственной стране, заложниками в политике двух государств, они подлежали высылке в Казахстан.

Я думала, что в биографии Е.М. Оберт расскажет о выселении, но нет, там не было ни слова об этом пути. Но зато, как писал в одном из писем А.А. Герр, в воспоминаниях он довольно подробно рассказал об этом. К сожалению, в той части воспоминаний, переписанных его дочерью и сохранившихся в фонде Герра, не оказалось рассказа о выселении из города Энгельса 11-го сентября 1941 года. В биографии он только отмечал, что после опубликования Указа о переселении немцев Поволжья я должен был с семьёй выехать в Казахстан. Так вместо «эвакуированных», мы стали спецпереселенцами.

В дополнение к этим воспоминаниям моего героя, я приведу строки из письма А.А. Герра, написанного к 100-летию со дня рождения Евгения Михайловича его старшей дочери Ирине 14 марта 1989 года: «Мы выехали в одном поезде из Саратова 11 сентября. Прибыли в Кокчетав ночью 19-го. Привезли нас в Балкашино. Первую ночь мы спали в конторе колхоза. 2 дня у нас были свободные для устройства.

Потом мы участвовали на уборке. В звене со мной был Ваш отец, 52 лет, профессор Ризен, Саратовского университета, 60 лет, мне было 39 лет. Нас закрепили к колхозницам. На каждую бричку, в упряжке вола, один переселенец и одна колхозница. Наша работа была вилами скошенный хлеб свалить на бричку и отвозить в скирды. Тут мы проходили курс управления волами: «цоп – цопе» (русские говорили – цоб-цобе –авт.).

Я первый освободился от этой работы. Был вызван телеграммой в Акмолинск. Когда вернулся в Балкашино в октябре, их уже там не было. Они получили работу по специальности: Ризен – в Алма-Ате, Евгений Михайлович – в п. Куй».

А.А. Герра связывали с Е.М. Обертом долгие годы работы в Покровске. Не прекращалась она и после выселения. В Акмолинске врач вылечил его от бруцеллёза в 1948 году. Их переписка не прекращалась до самой смерти замечательного врача-врачевателя. А как Герр переживал, что не мог приехать на похороны человека, которого считал настоящим другом. Этому послужила тяжелейшая трагедия, происшедшая в семье А.А. Герра. За два месяца до получения телеграммы о смерти Евгения Михайловича, он похоронил дочь, которой было всего 50 лет.

И мы, краеведы, архивисты, благодарны А.А. Герру за сбор и сохранение документов о таких людях, которые, несомненно, достойны нашей памяти.

С 28 октября 1941 года по август 1947 Е.М. Оберт работал Государственным санитарным инспектором в Шортандинском районе Акмолинской области. В течение пяти лет избирался председателем Райкома профсоюза медицинских работников района. Звание «спецпереселенца» не помешало ему в 1946 году получить медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

В августе 1947 года Е.М. Оберт был переведён на работу в областной центр, город Акмолинск, где назначен Областным госсанинспектором. С февраля 1948 года он работал ординатором в городской инфекционной больнице, занимался и общественной работой, редактировал больничную стенгазету. Вся эта деятельность не освобождала его как спецпереселенца отмечаться своевременно в органах, а сталинский Указ от 1948 года не давал возможности возвращения на Волгу. Часто руководители Акмолинского Облисполкома направляли Е.М. Оберта в командировки по районам области на борьбу с эпидемиями. А в период с мая по октябрь 1948 года на него было возложено ещё и медико-санитарное обслуживание колхозников области, участвовавших в народной стройке – северного участка железной дороги МОИНТЫ-ЧУ в голодной степи – Бет-бактала,

В августе 1949 года Евгений Михайлович с женой переехали к старшей дочери Ирине в Магнитогорск. Здесь, до марта 1953 года, до смерти Кормчего, он работал Гельминтологом. Как это для меня не удивительно, ещё не восстановленный в члены партии, он поступил в 1951 году в вечерний Университет Марксизма-Ленинизма. Но закончил его, уже проживая в Омске, 1 июля 1953 года. Мне, как человеку, который никогда не состоял ни в одной партии, этого не понять.

С чем же был связан его переезд в Омск. Дело в том, что осенью 1952 года его зять, В.С. Эйсмонт, научный работник Магнитогорского педагогического института, перешёл на работу в Омский государственный педагогический институт. С того времени и до конца своих дней жизнь врача и его семьи была связана с этим городом.

Только в 1960 году, когда был реабилитирован его брат Александр Михайлович Оберт, естественно, за отсутствием состава преступления, Евгений Михайлович был восстановлен в партийных правах с сохранением партийного стажа с 1929 года, и в том же году он стал пенсионером местного значения, а позднее и Республиканского, РСФСР. Но об этом хотелось бы рассказать поподробнее. Брат его Александр, репрессированный в ноябре 1935 года, был сослан в Воркуту, но освобождён через три года. По приезду в Саратов, официальной реабилитации не добился. В МВД заявили, что его документы сгорели. И Евгения Михайловича Оберта не восстановили в партии даже после обращения его в адрес 18 съезда партии. Тогда он поднял вопрос о пересмотре

дела брата перед Саратовским прокурором. Только через год брат и все репрессированные с ним, а их было пятеро, были реабилитированы.

Но ещё до этих, очень важных для него событий, всё ранее пережитое стало сказываться на его здоровье. Это и сталинские репрессии 1937 года, арест родного любимого брата, в невиновность которого он свято верил, лишение его, убеждённого большевика, членства в партии, начавшаяся война с фашистской Германией, эвакуация, а затем и депортация. С этого момента все депортированные немцы были для своей родины как бы людьми второго сорта. Как результат всех этих событий, в августе 1953 года он перенёс инфаркт миокарда, после которого два года вынужден был не работать.

В 1955 году он устроился на работу судовым медиком в Нижне-Иртышское пароходство. В 1957 году вышел на пенсию по старости. Дети выросли. Антон, окончивший ещё Одесский морской техникум, работал в Челябинске водителем автобуса. Специальность шофёра он получил во время пребывания в так называемой «трудармии». Дочь Ирина, выпускница исторического факультета 1-го Московского Государственного Университета, та, к которой он не доехал в период своего помутнённого сознания, работала учителем истории средней школы № 92 города Омска, дочери Елене власти всё же дали возможность в 1942 году окончить Саратовский государственный медицинский институт, работала врачом санитарной части Магнитогорского металлургического комбината. Все дети имели семьи, своих детей, но об этом чуть позже.

Но мысль о реабилитации немцев Поволжья не оставляла. Поэтому он с таким удовлетворением принял известие о том, что Верховный Совет СССР изменил частично текст Указа от 28 августа 1941 года. Он был выпущен 29 августа 1964 года и опубликован в газете «Нойес Лебен». В нём были изменены те места, которые содержали огульные обвинения в измене и пособничестве фашизму, а как пишет Оберт, фашистским агрессорам. От Указа он получил моральное удовлетворение – наконец-то это кошмарное обвинение снято, и немцы реабилитированы. В тоже время, в Указе не было указания на возвращение в родные места. Но Оберт считал, что это и не нужно: «Мытарства было бы много, а хорошего мало. Ведь прошло уже 25 лет и подрастающая молодёжь Поволжья не знает, а здесь она осела крепко, а нам, старикам, оторваться от молодёжи будет трудно».

Именно с этого времени, в 1960-е годы, многие из руководителей бывшей Республики немцев Поволжья путём переписки стали устанавливать между собой былые связи и начали движение за восстановление своих прав.

Е.М. Оберт в письме к А.А. Герру приводит цитату из письма к нему Андрея Петровича Фукса, который после выселения жил в Красноярске, о том, что в Москве в январе 1965 года находится делегация немцев из 13 человек, в их числе Борнеман, член партии с 1918 года, Кельм – с 1924, Гольман, член партии, беспартийный Кайзер. Далее Оберт резюмирует это сообщение, мол, чего они хотят добиться, я не знаю.

В другом письме Фукса, по словам Оберта, по вопросам реабилитации многие немцы уже обращались в Москву, в Центр. На коллективное письмо-обращение 150 красноярцев, получили ответ, что они и так равноправны, чего же, дескать, им ещё надо желать. И тогда они составили делегацию, членом которой был и Е.М. Оберт, и с 1965 года стали добиваться приёма у руководящих лиц страны.

В этом же письме, он сообщил А.А. Герру, что снова 28 июня собирается поехать в Москву. На это число у них была запланирована встреча выпускников медицинского факультета Казанского университета 1913 года. Заодно, он решил

побывать в редакции газеты „Neues Leben“, где в это время в отделе писем работала Мария Иосифовна Фогель. Здесь же я снова обратила внимание на фразу, которая меня снова удивила, и она ещё потребует дальнейшего осмысления и разъяснения: «Моё мнение, как и Ваше, Республики Автономной не надо».

Среди документов Е.М. Оберта меня заинтересовала его записная адресная книжка. Она позволила установить, с кем из бывших соратников ему удалось возобновить былые связи. Так, в Омске, он общался с Фридрихом Фридриховичем Вормсбехером, 1901 года рождения, которого он посетил 7 ноября 1965 года, с Александром Яковлевичем Вебером (Сызрань), Владимиром Гуговичем Гросс (Челябинск), Фёдором Александровичем Гергенредер (Абакан), Теодором Александровичем Грасмик (Нижний Тагил). О последнем он пишет, что врач работает в Нижнем Тагиле, где пользуется большим уважением. Общался он и с сыном расстрелянного в 1938 году врача, учёного Зибенгара – Львом Августовичем, и многими, многими другими.

В эти же годы он познакомился с Генрихом Генриховичем Шик, который работал в системе Народного Комиссариата земледелия АССР НП в Птицесовхозе, располагавшемся около станции Титаренко. Его судьба тоже весьма примечательна. После выселения ему более 14 лет пришлось прожить на Колыме, в 1960-годы проживал уже в Уральске. Приехал он в гости к сыну Эдмунду Генриховичу, который работал в Омском педагогическом институте. Так случилось, когда зять Евгения Михайловича с семьёй переехал в Уфу, Е.М. Оберт с женой получили отдельную квартиру, а их прежнюю квартиру занял именно Эдмунд Шик, так и произошло их знакомство.

Восстановил Евгений Михайлович связи и с бывшими соратниками по работе в Покровске–Энгельсе. Это врачи Фонарёв Григорий Юрьевич, 35-летний юбилей врачебной и общественной деятельности которого отмечали в Энгельсе в 1932 году. И Василий Иванович Кармилов (Энгельс), о котором я писала в истории Эвакогоспиталя, руководимого Л.Н. Полянским. Особые отношения были у него с Таисией Семёновной Вишневской, руководившей женотделами в Поволжье в годы гражданской войны, а в 1920-е годы – медицинскими учреждениями Покровска. Велика её роль, считал Е.М. Оберт, была и в становлении системы материнства и детства в то тяжелейшее время городе и Области немцев Поволжья. В одном из своих писем к её дочери, он вспоминал о встрече у неё дома в Киеве, где убеждённая большевичка, персональный пенсионер Союзного значения, и окончила свой жизненный путь 22 мая 1974 года. О том, как она помогла ему с работой в 1935 году, я уже писала ранее.

А какая трогательная дружба связывала его с Львом Абрамовичем Кассилем и его семьёй. Сохранились письма не только их друг к другу, но и Собиновой Светланы Леонидовны к Евгению Михайловичу и Матрёне Яковлевне. И это не удивительно, ведь он много лет работал с его отцом, «главной повитухой» Покровска–Энгельса Абрамом Григорьевичем Кассилем.

В одном из писем Льву Кассилю Евгений Михайлович пишет ему 15 марта 1970 года о том, что в «Правде» прочитал об открытии выставки «ЭКСПО-70» в Осако (Япония), и она напомнила ему об их встрече, когда «шутки погоды» прервали полёт писателя в ту же Японию на спортивный праздник.

Он сожалел, что «шутки погоды» в этом году не повторились, и они с Матрёной Яковлевной лишились радости принять его в своей новой квартире. Далее он писал, что Льву Кассилю не пришлось бы долго искать их новую квартиру, так как из окна её видны окна старой, в которой и был писатель ранее.

В этом же письме он интересовался здоровьем Льва Абрамовича, спрашивал, как идёт восстановительный процесс.

О письмах любимой жены Льва Кассиля, Светланы Леонидовны Собиновой, членам семьи Евгения Михайловича Оберта, я расскажу позднее.

Несмотря на пережитое, на появившиеся проблемы со здоровьем, чета Обертов жила в любви и заботе друг о друге, о своих родных. В одном из писем А.А. Герру он писал: «26 августа (1969 года) купил два билета на пароход Уфа–Москва. Всё лето на даче с детьми и внуками, хлопотно и весело. Приехала внучка (Таня) на работу. Окончила Тюменский медицинский институт, будет жить у нас». В октябре в Новосибирске у внука (Вычислительный центр) родилась дочка. Это уже был третий правнук Обертов. С 26 апреля по 6 июня 1971 года были в Магнитогорске в гостях у Лены, отмечали её 50-тилетие и 30-летие работы, а также 50-летие Клавдии, жены сына Олега. И все последующие годы, несмотря на ухудшающееся здоровье, он крепился, преодолевал себя.

В 1965 году они с Матрёной Яковлевной отметили «золотую свадьбу», пока позволяло здоровье, он с удовольствием занимался садом. Писал, что хотя работы в саду много, всё так цветёт и благоухает, что не хочется уходить домой. Но за три года до своего 80-летия сад пришлось продать, состояние здоровья уже не позволяло за ним ухаживать. И снова в одном из писем он сообщает А. Герру: «...сад продал и теперь живу спокойно».

Все годы после выселения, начиная с 1950-х годов, он много уделял внимания истории немцев Поволжья, России. А.Я. Герра просил в Целинограде найти ему пьесу Эммануила Ивановича Квирина «Страна Коммуны» на немецком языке, встретился у себя дома с Виктором, сыном Квирина, который жил в Свердловске. При их встрече Евгений Михайлович рассказал Виктору, что последний раз виделся с его отцом в Степном (Шталь), когда приехал к отцу в 1917 году с Западного фронта. И Оберт хорошо понимал, почему в своей работе Квирина не упомянул имя И. Сталина, не мог написать правду, ведь Кормчий в те годы (книга вышла в Москве в 1968 году), как утверждал Евгений Михайлович, играл большую роль в стране.

В год 30-летия Победы, поздравляя А. Герра, он пишет: «Этот праздник снова напомнил всё величие вести о Победе над Германией. Кошмарный кровавый фашизм был разбит, и мир мог свободно вздохнуть после 4-х лет кошмара. Желаем себе, чтобы этого не повторилось столетиями, и лучше никогда». И тут же – о жизни, жене, детях и внуках – сейчас у нас внук Женя, сын старшей дочери (Ирины). Он в командировке в Омске по делам своего завода в Александровке (под Москвой).

Когда Евгений Михайлович ознакомился с книгой К.И. Шкоды «Город Энгельс», изданной в 1971 году, он не понял, почему автор боялся написать, как много было сделано для Энгельса немцами Поволжья. Но автор действительно не мог этого сделать, цензура в те годы не пропустила бы. Спасибо хоть упоминание оставили и о том, что город был столицей этого национально-территориального образования с 1924 по 1941 год. Оберт же был удивлён: «К. Шкода умудрился написать эту книжку, не приведя ни одной немецкой фамилии. В ней 150 страниц, а Энгельсу как столице РНП посвящено следующее – в конце 20-х годов покровские рабочие возбудили ходатайство о переименовании города Покровска...».

И он продолжал вести активный образ жизни, несмотря на ухудшающееся здоровье. Когда младшую дочь Елену направили в Ленинград на повышение квалификации, она попросила отца приехать к ней в Магнитогорск, как он называет, в Магнитку, чтобы «пестовать» внука, так как муж Елены работал

посменно на Metallургическом комбинате, и им без помощи никак невозможно было обойтись. Затем поехал к сыну Олегу в Челябинск. А как радовался ветеран появлению первого правнука Павла, который родился на 3.300 кг и длиной в 55 сантиметров.

И всё также продолжал Евгений Михайлович изучать литературу, связанную с историей российских немцев. В работах Велицина его возмутила фраза о том, что от переселенцев ни одно государство не получало пользы. И он, возмущённый, пишет А. Герру: «Кто дал ему право так утверждать. Наша РНП несомненно пользу давала. 55 лет сознательной жизни я прожил в Республике и не встречался с особой преступностью и тунеядством».

А как тяжело он переживал смерть уникального хирурга Гергенредера, которого знал с детства, они с ним родились в одном селе. Трагедией назвал он и смерть поэта Виктора Кляйна, он был не просто земляк Е. Оберта, но и соавтор трудов его троюродной сестры Клары Оберт.

В 1977 году вся большая и дружная семья отметила 90-летие любимой мамы и бабушки. Приехали из Челябинска сын Антон с женой Клавдией, из Александровска старший внук Женя с женой и сыном, из Магнитогорска – дочь Лена с сыном Женей, старшая дочь Ирина прилетела от подруги из Ташкента. Младший сын Ирины Стасик с женой жили и работали в Омске, они были со своей дочкой. Была и Таня, дочь Лены, ведь она жила с ними. Евгений Михайлович вспоминал: «Вот столько собралось птенцов. 4 фотоаппарата мило щёлкали. Было очень весело, занятно. Время пролетело незаметно. Матрёна Яковлевна была довольна, и чувствовала себя хорошо».

31 июня 1978 года, ему, персональному пенсионеру, отдел социального обеспечения предоставил две бесплатные путёвки по железной дороге в купейном вагоне. И он говорит: «Могу ехать либо во Владивосток, либо на Западную границу, но мы решили сначала побывать в доме отдыха поблизости, а потом, если врач позволит, использовать билеты». И далее он сетует: «Вот бы получить эти билеты на 5 годков пораньше». Дело в том, что здоровье к этому времени окончательно подвело Евгения Михайловича. Часто попадал в больницу с обострением хронической пневмонии. Еще 4 июня он отметил 88-летие, но оно радости из-за болезней ему не принесло. И ветеран желал всем крепкого здоровья, советовал использовать каждый луч весеннего солнца для его укрепления. О жене он писал, что Матрёна Яковлевна по-прежнему «порхает», хотя и старше на год, только память подводит. Он всегда восхищался своей второй половинкой. Когда внучка Таня, по мужу Гусова, уехала со своей семьёй в отпуск к родственникам в Тару летом 1978 года, Матрёна Яковлевна не просто стойко держалась, но и сама ходила по магазинам, выстаивала в очередях за продуктами. Такое было время.

В тот же, 1978 год, семью постигло непоправимое горе. В Челябинске заболела жена сына Антона Клавдия. У неё оказалась тяжёлая форма туберкулёза – двенадцатичасовую операцию она не выдержала. Отчаянию сына не было границ. 23 сентября он приехал к родителям. Ночью ему стало плохо, отец дал таблетку, которая так и осталась на столе. Родители его не беспокоили, думая, что сын спит. А утром нашли его мёртвым. Похоронили его рядом с женой в Челябинске. Описать их горе невозможно.

В тот год порадовало старого большевика только поздравление с 60-летием Октябрьской революции, когда его привезли в Кировский райком партии, вручили приветственные адреса от Обкома и Райкома, юбилейные медали, наручные позолоченные часы, поздравления из больницы, где раньше работал и находился на партийном учёте.

Несмотря на болезни и утраты, на то, что при ветре гулять уже не мог, ему хватало полтора часа посидеть на балконе, чтобы усилилась одышка, и начался сильный кашель, к своему 90-летию Евгений Михайлович всё же готовился.

Когда в марте исполнилось 50 лет его пребывания в партии, написал с горечью о том, что орденов нет, только 5 медалей, сказалось наше переселение. Об этом он сообщил А. Герру, который решил написать статью о нём в немецкие газеты.

Коммунист до мозга костей, он переживал, что все его дети, Антон, Ирина и Лена, беспартийные, и в этом виновато, конечно же, переселение. Радовался, что внучка Таня комсомолка, а её муж электрик судоремонтного завода, член партии. С гордостью сообщал, что и другие его внуки либо комсомольцы, либо члены партии, ведь он сам, будучи участником революции и гражданской войны, считал себя «беспартийным большевиком», гордился тем, что окончательное решение о вступлении принял после смерти В.И. Ленина.

Дети тоже стали готовиться к юбилею отца. Лучшим подарком, они считали, будет ремонт родительской двухкомнатной квартиры в Омске. Для его проведения, Ирина отвезла родителей в Магнитогорск к Лене, где им пришлось прожить с 28 апреля по 11 августа, так как в те годы в стране были большие проблемы со строительными материалами. Проблема для родителей заключалась в том, что квартира Лены находилась на 5 этаже, естественно, без лифта. Как он пересиливал себя, и отдыхая на каждой лестничной площадке, поднимался в квартиру – не описать. И при этом, он не только не жаловался, но считал, что такая тренировка начала укреплять его здоровье, его дыхательную систему. И всегда рядом была любимая жена – первая помощница.

По воскресеньям и субботам выезжали на лоно природы с друзьями Лены на нескольких машинах. Располагались на опушке леса под деревьями, готовили обед, отдыхали на надувных матрацах, собирали грибы и землянику, он же лежал в гамаке.

Здесь, в Магнитогорске, отметили не только день рождения Лены, но и его 90-летие. Собралось 18 человек родных. Выступили с речами обе дочери, старший внук, было получено много телеграмм, в том числе от парткома бассейновой больницы, в немецких газетах «Фройндшафт» и «Нойес Лебен» опубликована поздравительная телеграмма А. Герра. Все поздравляли одновременно с днем рождения юбиляра и с пятидесятилетием партстажа. Евгений Михайлович остался доволен.

Ремонт был окончен 8-го, а 10-го августа поездом в сопровождении внука, студента Горного института, они уехали домой.

12 августа они уже были в своей отремонтированной квартире. Только телефон ещё не поставили ветерану. Сказалась ли резкая перемена климата, но вскоре у Евгения Михайловича начались сердечные приступы с потерей сознания, четыре раза скорой помощи удавалось вывести его из этого состояния, на пятый, через десять дней, – не удалось. Четвёртого сентября его сердце перестало биться.

Дочь Елена писала А.Я. Герру: «Поскольку маме ещё очень трудно, благодарю за сочувствие и понимание. Потерять за такое короткий срок трёх дорогих людей... По пути из Магнитогорска они заезжали на кладбище Антоши и Клавы в Челябинске, там папа сильно плакал и сказал – не скучайте, я скоро к вам приду. А тут ещё случились другие неприятности – их места до Омска в купе оказались занятыми. Маму разместили в другом купе. А в Омске его посетил корреспондент, чтобы ветеран рассказал ему о своей жизни. Естественно,

рассказав, всё заново пережил. Да и погода повлияла. У нас было солнечно и тепло, а в Омске – холодно и сыро, шли дожди».

И многие друзья, не говоря уже о близких людях, горевали о нём, как они считали, безвременно ушедшем, хотя и прожившим большую жизнь на этой земле, человеком. Отклики, отклики, соболезнования. Некролог по случаю его смерти был опубликован в Республиканской газете «Социалистический Казахстан».

Статьи же о жизни и деятельности Евгения Михайловича были написаны А. Герром к 100-летию со дня его рождения и опубликованы в немецких изданиях «Нойес Лебен» и «Фройндшафт». И он благодарил детей Оберта свято хранивших всё, что было связано с памятью отца, и надеялся, что предложения Редколлегии к пленуму по межнациональным вопросам – об организации историко-этнографического музея советского немецкого населения станет реальностью, и там все экспонаты будут приняты с благодарностью. Он не советовал отдавать документы в музей города Энгельса, так как считал, что они, работники музея, настолько напичканы агитацией 1941-1947 годов против немецкого населения, что не могут изменить своё отношение.

Но о его, Герра, взглядах на решение проблем немцев Поволжья, на восстановление автономии – не тема настоящего очерка. Единственно в чём я с ним была согласна, что если уж воссоздавать автономию, то центром её должен был стать не Покровск (Энгельс), а город Маркс.

Я уже говорила о том, что Евгений Михайлович переписывался с Львом Абрамовичем Кассилем. Когда писатель ушёл из жизни, постоянно поддерживала эту связь Светлана Леонидовна Собинова. Она сообщила им о смерти любимого супруга, поздравляла с праздниками. В тяжёлый для них 1978 год она писала «Мои дорогие Матрёна Яковлевна и Евгений Михайлович! 1978 год принёс вам много горя и бед, так пусть Новый 1979 принесёт вам здоровье и благополучие. Мы все здоровы, работаем, дети растут. Ксюше год и месяц, а Стене скоро 6 лет. Желая вам ещё раз всего, всего самого хорошего. Светлана Собинова».

И вот оно, последнее письмо-соболезнование: «Глубокоуважаемая и дорогая Матрёна Яковлевна! С тяжёлым сердцем я прочла грустную весть о кончине дорогого Евгения Михайловича, с которым столько лет связана жизнь семьи Кассилей. Ну, что можно сказать, я сама пережила такое горе, нужно время и силы. Дай их Вам Бог! Меня всегда утешает мысль, что такое горе выпало на мою долю, а не на долю Льва Абрамовича – думаю, что и для Вас это единственное (утешение), а кроме того, у Вас много детей и внуков. Конечно, никто не заменит в Вашей жизни Евгения Михайловича, но хорошо, когда рядом близкие. Обнимаю Вас с нежностью и болью. С уважением Светлана Собинова».

Вот такой, дорогой мой читатель, я увидела жизнь этого человека, со всеми положительными чертами его человеческого характера, и в то же время, полно отразившего эпоху периода не свершившегося социализма со всеми положительными и уродливыми его формами. Получилось ли, об этом судить вам.

Е. М. Ерина